

УДК 902 (57)
ББК 63.3 (5)-2

**Экономическая адаптация переселенческих хозяйств
в контексте государственной политики переселений
в Туркестан во второй половине XIX — начале XX в.**

Ю.Н. Цыряпкина

Алтайский государственный педагогический университет (Россия, Барнаул)

**Economic Adaptation of Resettlement Farms in the Context
of the State Migration Policy to Turkestan in the Second Half
of the 19th and the Beginning of the 20th Centuries**

Yu.N. Tsyryapkina

Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)

Автор рассматривает процесс экономической адаптации переселенческих хозяйств в контексте имперской стратегии привлечения в регион православного населения. Доказано, что переселенческое движение в Туркестан во второй половине XIX — начале XX в. имело важное государственное значение, а агентами колонизации выступали переселенцы, основой солидарности для переселенческого сообщества стала принадлежность к православной общине. На основе анализа неопубликованных архивных источников автор выявила, что империя для эффективного выстраивания политики переселения в Туркестан задействовала религиозную идентичность переселенцев, ставшую механизмом их государственного отбора для водворения в регион. Автор приходит к выводу, что политика государства в отношении сектантов и старообрядцев была двойственной: их переселение в регион ограничивалось правовыми механизмами и одновременно их водворение допускалось и не преследовалось из-за высоких показателей успешности экономических хозяйств.

Ключевые слова: переселение, православие, сектанты, переселенческие поселки, Туркестан.

DOI: 10.14258/izvasu(2021)6-13

Демографические и социально-экономические аспекты русского переселения в Туркестан в исследовательской литературе рассмотрены достаточно основательно в советское время [1–3], а также детализированы в постсоветский период [4]. Однако в исследовательской литературе слабо раскрывается вопрос о взаимосвязи государственной «идеологии» переселенческой политики со сложным процессом социально-экономической адаптации переселенцев

In this article the author examines the process of economic adaptation of resettlement farms in the context of the imperial strategy of attracting the Orthodox population to the region. The article proves that the migration movement in Turkestan in the second half of the 19th — early 20th century was of great state importance and the settlers acted as agents of colonization; belonging to the Orthodox community became the basis of solidarity for the resettlement community. Based on an analysis of unpublished archival sources, the author revealed that the empire used the religious identity of the settlers, which became a mechanism for the state selection of settlers for migration in the region for effective build a migration policy to Turkestan. The author concludes that the state policy towards sectarians and Old Believers was ambivalent: their migration to the region was restricted by legal mechanisms and at the same time their settlement was allowed and not prosecuted because of the high success rate of economic farms.

Key words: migration, Orthodoxy, sectarians, resettlement farm, Turkestan.

в Туркестане. Несмотря на слабое изучение данного аспекта в исследовательской литературе, в отложившихся имперских документах представлена позиция туркестанских чиновников по вопросам «колонизации» региона и разделения переселенцев на категории, в том числе исходя из их социально-экономического потенциала.

Целью статьи является выявление особенностей экономической адаптации переселенческих хозяйств

в контексте государственной политики переселения, направленной на водворение в Туркестан православных переселенцев.

Привлекаемое в регион крестьянское население, преимущественно из перенаселенных европейских регионов Российской империи, размещалось в отдельных переселенческих поселках. Первоначально русская администрация рассматривала поселки переселенцев в качестве военных гарнизонов, стремясь максимально оградить вновь прибывших «колонистов» от коренных жителей [4, с. 618]. Утверждение туркестанского чиновника о том, что «русский поселок — значит столько же, сколько батальон солдат» [5, л. 41об.] дает отсылку на то, что хозяйственно-экономические успехи переселенческих поселков в деле «завоевания» края ценились не меньше, чем военные достижения.

Основные цели и задачи российской политики в Туркестане четко формулировались в отчете первого генерал-губернатора Туркестана К.П. фон Кауфмана, стремившегося «привлечь симпатии» коренного населения региона к российской государственности [6, л. 4–5]. В рамках осуществления поставленной государственной задачи имперские власти стремились включить переселенцев в решение геополитических и национальных задач. Крестьянская колонизация была призвана продемонстрировать успехи российского способа хозяйствования над хозяйством коренного кочевого и оседлого населения.

Определяя общую логику переселения в регион, имперское руководство выделяло две категории населения — сословные и религиозные группы. В первом случае имелись ввиду крестьяне, во втором — делалась отсылка на религию. Государство, осознавая значимость переселенцев в интеграционных процессах Туркестана, тщательно прорабатывало вопрос отбора водворявшихся колонистов в завоеванный регион, что было сформулировано в Положении об управлении Туркестанского края 1886 г., в котором утверждались правила переселения. Согласно Туркестанскому положению 1886 г., к водворению в Туркестан допускались «исключительно русские подданные христианских вероисповеданий, принадлежащие к состоянию сельских обывателей» [7, с. 175]. Переселенцам отводились участки из свободных государственных земель, выделяемые исходя из возможностей данной местности, но не более 10 десятин на каждого работника [7, с. 181].

Государственная политика была направлена на водворение в Туркестан в первую очередь православных переселенцев, являвшихся выходцами из европейских регионов Российской империи. Эти переселенцы различались по диалектам и говору, особенностям ведения хозяйства и быта, традициям и менталитету, наиболее прочной основой соли-

дарности для переселенцев в Туркестане стала принадлежность к православной общине. Православие как государственная религия в Российской империи обеспечивала связь переселенцев с государством в Туркестане, который был заселен мусульманским населением [8, с. 288]. Опираясь на материалы по заселению русскими Сибири, А.В. Ремнев показывает, что православие и религиозно-нравственное состояние переселенцев тщательно отслеживались и оценивались властями, так как православие ассоциировалось со связью с «коренной» Россией [9, с. 185]. В одном из высказываний А.В. Ремнева подчеркиваются наиболее важные компоненты «русского дела» на азиатских окраинах: русский земледелец, православный, верноподданный [9, с. 198]. Это положение можно с уверенностью экстраполировать на процесс отбора и водворения переселенцев в Туркестан во второй половине XIX — начале XX в.

Туркестанская администрация рассматривала переселенцев как один из инструментов «цивилизаторской миссии» на Востоке. Государство посредством переселенцев стремилось решить не только социально-экономические цели, но и осуществить культуртрегерские задачи. В донесении ходжентского уездного начальника Самаркандской области 1910 г. в Канцелярию Туркестанского генерал-губернаторства перечисляются качества переселенцев, необходимые для выполнения государственной «миссии» в Туркестане: «...допуская в край только лиц, которые ... могли бы сослужить Государству Российскому ту службу, какая лежит здесь на окраине на каждом русском человеке. Служба эта ... заключается еще в работе по сближению с русской народностью местных аборигенов-туземцев по распространению среди местных инородцев правильных взглядов на преимущества русской гражданственности и культуры. Русским людям, живущим среди туземцев, приходится кроме своей личной работы выполнять также и высокую колонизаторскую миссию европейского народа среди совершенно незнакомых с европейской жизнью туземцев» [10, л. 17об.]. В этой цитате имперского нарратива иллюстрируется общая цель переселенческой политики — стремление «водворить» в регион русскую культуру, экономические практики, гражданственность.

В конце 1860-х — 1870-е гг. переселенческое движение в Туркестан было слабым, поток переселенцев в большей степени направлялся в Семиреченскую область, в которой 1860-е гг. было образовано несколько поселков в разных уездах: 1866 г. — Большой Токмак, 1867 г. — Лебединское в Пишпекском уезде, 1869 г. — Гавриловка и Луговое Копальского уезда, 1869 г. — Михайловское, в 1870-е гг. 7 селений появилось в Лепсинском уезде, 6 селений в Прежевальском уезде [11, л. 53–56об.] и т.д. На занятых у кочевников землях было легче изымать участки под пере-

селенческие хозяйства. Другая ситуация сложилась в густонаселенной Сырдарьинской области, в которой заселение шло медленными темпами. В 1870-е гг. в Аулиеатинском уезде Сырдарьинской области возникло только 4 селения: 1874 г. — Карабалты, 1875 г. — Михайловское, 1876 г. — Чалдовар, 1877 г. — Дмитриевское [11, л. 48об.–50об.]. Переселенческое движение нарастало в 1880-е гг., усилилось после неурожаев 1891–1892 гг. в европейской части Российской империи.

Утвержденные правила переселения в Туркестан 1886 г. формально не поощряли водворение в регион представителей различных христианских ответвлений (в имперских документах чаще всего называются «сектанты»), старообрядцев. Несмотря на четкую регламентацию процесса водворения переселенцев в регион, в 1880–1890-е гг. в Туркестан в ограниченных масштабах заселялись сектанты, старообрядцы, немцы, размещавшиеся преимущественно в Закаспийской и Семиреченской областях. Сектанты попадали и в «коренные» области региона — Сырдарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую — чаще всего потому, что представители отдельных сектантских общин при водворении открыто не заявляли о своей религиозной принадлежности, а представители туркестанской администрации не разбирались в особенностях религиозно-обрядовой жизни переселенцев. В Закаспийскую область охотнее вселяли представителей сектантских общин, куда из-за отдаленности и природно-климатических сложностей православные переселенцы не стремились водворяться [12, с. 97–103]. В таких слабо заселенных областях Туркестана власти были вынуждены учитывать колониционный потенциал и экономическую устойчивость хозяйств сектантов и старообрядцев.

Российская империя, имея недостаточно сильные позиции в Туркестане, стремилась сплотить переселенческое сообщество господствующей религией — православием, делая ставку на конфессионально-однородное сообщество. Следуя данной логике, сектантские сообщества и старообрядцы рассматривались как «вредный» элемент в регионе. Наплыв старообрядцев и сектантов в Туркестан стал поводом для беспокойства туркестанских епархиальных властей. После жалобы в Святой Синод туркестанского епископа Аркадия началась разработка проекта «Правил о добровольном переселении сельских обывателей в коренные области Туркестанского края» [12, с. 97].

Правила переселения в Туркестан были пересмотрены в начале XX в. В 1903 г. была опубликована новая редакция «Правил о добровольном переселении...» [13, л.18], которая отменяла соответствующие статьи Положения об управлении Туркестанским краем 1886 г. (статьи 280–284).

В новой редакции, согласно статье 1, к переселению в Сырдарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую области допускались «сельские обыватели и мещане православного вероисповедания, принадлежащие к коренному русскому населению Европейской России». В этом же законе прописывалось, что нижние чины войск Туркестанского военного округа также могли остаться в Туркестане на одинаковых с переселенцами основаниях при условии, что они принадлежали к одному из христианских вероисповеданий. В 1906 г. вышла новая редакция «Правил о переселении на казенные земли», согласно которым к переселению допускались те же категории населения. При этом допускались к переселению старообрядцы и представители сектантских общин по согласованию с начальствующими инстанциями [14, л. 10]. Разрешение на переселение сектантов, старообрядцев, представителей других христианских течений давалось после рассмотрения прошения генерал-губернатора в Министерстве внутренних дел. Эта статья позволяла водворять «выгодных» для экономики региона сектантов в Туркестан. В целом более жесткая регламентация правил водворения переселенцев и настороженное отношение имперских властей к представителям сектантских общин не перекрыли их поток в регион. Несмотря на установку имперских властей, в Туркестане не было единой линии по вопросам вселения в регион сектантов и старообрядцев, более того, существовали противоречия в позициях имперских и туркестанских чиновников в отношении старообрядцев и сектантов.

Сдерживая водворение этой категории переселенцев в Туркестан правовыми механизмами, туркестанские чиновники зачастую выступали защитниками уже водворившихся сектантов и старообрядцев. Ярким примером служит донесение начальника Закаспийской области от 31 августа 1910 г. Туркестанскому генерал-губернатору, в котором излагаются наблюдения о хозяйственном потенциале селений, в которых проживают сектанты. Туркестанский чиновник отмечал, что их «колониционный потенциал» заслуживает серьезного внимания: «...в силу религиозных гонений в них выработались — сплоченность, стойкость, выносливость и большая работоспособность, что, в связи с их относительной трезвостью, являются ценными качествами для переселенцев. Религиозные их верования не сказываются ... на исполнении ими священного долга перед Царем и Родиной, живой пример чему уральские казаки — старообрядцы и раскольники» [10, л. 15].

Успешность адаптации сектантов в сложных туркестанских условиях, умение создать экономически крепкое хозяйство, высокая степень солидарности выделяли их среди переселенцев: «Сектанты приходят с значительно большими средствами, чем пе-

реселенцы из православных, и на первых же порах проявляют большую предприимчивость при первоначальном устройстве на новых местах. Гораздо реже своих православных земляков обращаясь к начальству за пособиями, сектанты довольствуются теми участками, которые им отводятся и не проявляют той разборчивости, какая видна в переселенцах из православных» [10, л. 20об.]. Водворение сектантов в Туркестан, кроме социально-экономических предпочтений, рассматривалось положительно, так как ослабляло их миссионерскую пропаганду в губерниях внутренней России [15, с. 162].

Одним из свидетельств благосклонного отношения туркестанской администрации к сектантам стало согласованное вселение с 1889 г. в Закаспийскую область молокан* из Эриванской губернии [12, с. 100] для усиления «русского присутствия» в регионе. В 1893 г. в высокогорье на дороге из Ашхабада в Мешхед (около 200 км от Ашхабада) фактически на границе с Персией было основано селение Высокое, там и разместили 25 семей закавказских молокан [16, с. 47]. Туркестанская администрация, учитывая их опыт проживания в горных условиях Закавказья, способствовала их водворению и развитию хозяйства в труднодоступных горных условиях. В перспективе молокане должны были заниматься разведением крупного рогатого скота мясных пород, чтобы нивелировать дефицит в Закаспийской области завозимого из Персии мяса [16, с. 47]. Данный эпизод еще раз доказывает, что туркестанская администрация положительно оценивала колонизационный потенциал и опыт сектантов.

Успешность хозяйства молокан в Закаспийской области привела к тому, что в 1907–1909 гг. 57 семьям молокан из Эриванской губернии разрешили вселиться уже в непосредственной близости от административного и культурного центра Туркестана — Ташкента. После согласования с военным губернатором и главноуправляющим землеустройством и земледелием генерал-губернатор Туркестана П.И. Мищенко принял решение о водворении молокан во вновь созданный отдельный поселок Алексеевский в Ташкентском уезде [17, с. 38–39]. Туркестанские чиновники в отчетах отмечали, что молокане как особая группа русских в хозяйственном плане отличались стабильностью и крепостью хозяйства.

Успешными с точки зрения хозяйственных характеристик оказались селения немцев в Туркестане. В 1892–1893 гг. в горах недалеко от Ашхабада

в Закаспийской области было основано селение Саратовское, в котором расселились 18 семей немецких колонистов — выходцев из Саратовской губернии [16, с. 45]. Вышеприведенные факты доказывают, что несмотря на «инаковость» и маргинализированный статус при водворении молокане, другие сектанты, немцы постепенно расселялись в Туркестане. С экономической точки зрения хозяйства немцев и сектантов были успешнее, но государство поддерживало переселение православных русских, тем самым пытаясь консолидировать разнородное русское сообщество с помощью государственной религии в мусульманской окраине Российской империи. Принципы этой государственной политики переселения так и не были пересмотрены.

При этом необходимо понимать, что водворенные сектанты, старообрядцы и немцы оставались меньшинством. Если рассмотреть результаты переписи 1897 г. по Сырдарьинской области, которая относилась к «коренным» регионам Туркестана, на территории которой находился Ташкент — крупный административный и культурный центр региона, то среди некоренного населения православные были большинством. По данным Сырдарьинской области Туркестана, доля православных составляла 2,86% (42266 чел.), старообрядцев — 0,19% (2855 чел.), католиков — 0,2% (2956 чел.), протестантов — 0,13% (1921 чел.), остальных христиан — 0,01% (76 чел.) [18, с. XI].

Переселенческое движение в Туркестан во второй половине XIX — начале XX в. имело важное государственное значение и было призвано помочь в деле укрепления российской государственности во вновь завоеванном регионе, продемонстрировать успехи российского способа хозяйствования. Государство стремилось сделать переселенцев агентами колонизации Туркестана. Для эффективного выстраивания политики переселения в Туркестан наиболее прочной основой солидарности для переселенческого сообщества стала принадлежность к православной общине. Религиозная идентичность переселенцев стала механизмом государственного отбора переселенцев для водворения в регион. Сектанты и старообрядцы рассматривались как идеологически «вредный» элемент в регионе, соответственно, их водворение в регион ограничивалось правовыми механизмами и одновременно их водворение в ограниченных случаях допускалось и не преследовалось из-за высоких показателей успешности экономических хозяйств.

* Русская рационалистическая секта.

Библиографический список

1. Гинзбург А.И. Русское население в Туркестане (конец XIX — начало XX века). М., 1991.
2. Фомченко А.П. Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX — начале XX в. (социально-экономический аспект). Ташкент, 1983.
3. Брусина О.И. Славяне в Средней Азии: этнические и социальные процессы: конец XIX — конец XX вв. М., 2001.
4. Брежнева С.Н. Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XIX–XX вв. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2018. Т. 17, №3.
5. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. 7. Оп. 1. Д. 5020.
6. ЦГА РУз. Ф.Р-2412. Оп. 1. Д. 71.
7. Переселенческое дело в Туркестане: отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. СПб., 1910.
8. Цыряпкина Ю.Н. Переселенческое сообщество в Сырдарьинской области Туркестана по донесениям царской администрации начала XX в. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2015. №4/1 (88).
9. Ремнев А., Суворова Н. «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой или «сомнительные культуртрегеры» // Ab Imperio. 2008. №2.
10. ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 858.
11. ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 658.
12. Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX — начало XX вв.). Елец, 1996.
13. ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 456.
14. ЦГА РУз. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5103.
15. Брейфогл Н. Контакт как созидание. Русские сектанты и жители Закавказья в XIX в. // Диаспоры. 2002. №4.
16. Тарновский Г. Русские поселения в Закаспийской области // Русская мысль. Год шестнадцатый. Май. М., 1895.
17. Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сыр-Дарьинская, Самаркандская и Ферганская). Отчет по служебной поездке в Туркестан осенью 1910 г. чиновника особых поручений при Переселенческом управлении Н. Гаврилова. СПб., 1911.
18. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXXXVI. Сыр-Дарьинская область. СПб., 1905.